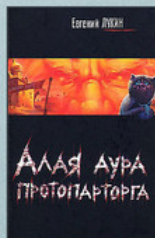

Евгений Лукин

Чушь собачья

*Часть сборника
Алая аура протопарторга
(сборник)*

Евгений Юрьевич Лукин
Чушь собачья
Серия «Лыцк, Баклужино,
Суслов», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124150

Аннотация

«С собаками в Капитолий не пускали.

Ратмир сидел на привязи рядом с шершавым бетонным столбом, время от времени пытаясь избавиться от намордника. Делал он это без особого старания. Давно уже ставшая привычной ременчатая снасть не причиняла ему особых неудобств – просто надо было хоть чем-то себя занять. Утро выдалось душноватое, зато спокойное. Никто не толпился на асфальтовом пяточке и на полого восходящих ступенях, не требовал справедливости, не вздымал картонок с коряво начертанными лозунгами. Врождённое чутьё подсказывало Ратмиру, что свора шумных двуногих существ, если и сбежится сегодня к Капитолию, то позже – за полдень, в самую жару...»

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	16
Глава 3.	28
Глава 4.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Евгений Лукин

Чушь собачья

Пси и человецы –

Единое в свирепстве и уме.

Иван Бунин

Возьмём, например, хоть такие простые вещи, как конура, аранник, цепь и намордник, – вещи, я думаю, всем вам, господа, небезызвестные?.. Предположим, что мы, собаки, со временем и додумаемся, как от них избавиться...

Александр Куприн

Глава 1.

Сукин сын

С собаками в Капитолий не пускали.

Ратмир сидел на привязи рядом с шершавым бетонным столбом, время от времени пытаясь избавиться от намордника. Делал он это без особого старания. Давно уже ставшая привычной ременчатая снасть не причиняла ему особых неудобств – просто надо было хоть чем-то себя занять. Утро выдалось душноватое, зато спокойное. Никто не толпился на асфальтовом пяточке и на полого восходящих сту-

пенях, не требовал справедливости, не вздымал картонок с коряво начертанными лозунгами. Врождённое чутьё подсказывало Ратмиру, что свора шумных двуногих существ, если и сбежится сегодня к Капитолию, то позже – за полдень, в самую жару.

Людских скоплений Ратмир побаивался и не без причины – не далее как вчера на этом самом месте его старому знакомцу Рыжему Джерри рассекли ухо спёкшимся комком земли, по твёрдости не уступавшим камню.

Несомненно, прискорбное это происшествие не на шутку встревожило собаководовладельцев, поскольку лечить – ещё дороже, чем держать. Во всяком случае, на привязи Ратмир пребывал в гордом одиночестве, что уже само по себе слегка тревожило. Пять машин у парапета – и никого рядом. Ни двуногих, ни четвероногих. Вдобавок, хозяин, уходя, впервые предложил псу остаться в салоне, каковое предложение тот, естественно, с презрением отверг. Возможно, зря.

В безоблачном небе время от времени раздавалось некое громоподобное ворчание, на которое давно уже ни одна собака в городе внимания не обращала. Гремит – и пусть себе гремит.

– Кутька, фас! – слышался сзади звонкий детский голос.

Ратмир оставил в покое намордник и, приподняв брыластую морду, перекатил круглый коричневый глаз туда, где, отделённая от проезжей части узким тротуаром, лениво ко-

лыхалась за чёрной чугунной решёткой перистая листва акаций.

Возможно, озорной возглас был адресован вовсе не ему. Тем не менее возникло нехорошее предчувствие. Ратмир наморщил выпуклый лоб и, тихонько заскулив, уставился на высоченные дубовые двери – за ними недавно скрылся человек, которого пёс чтит, как бога. И, хотя хозяин каждый раз благополучно выходил из недр розовато-белой громады с куполом и колоннами, беспокойство всегда терзало Ратмира до того самого мига, когда послышатся знакомые шаги, грубоватая сильная рука потреплет небрежно по холке, открепит поводок от столба, и единственный в мире голос прикажет негромко: «Ратмир! Место!» После чего можно будет, ни о чём уже не заботясь, метнуться стремглав в открытую дверцу машины и, повизгивая от радости, взгромоздиться на заднее сиденье.

Тяжёлая дубовая дверь приоткрылась медленно и бесшумно, но к великому разочарованию Ратмира на крыльцо ступил всего-навсего юный охранник с неподвижным хмурым лицом. Вытянул зубами сигарету из пачки, достал зажигалку, хотел прикурить – как вдруг увидел собаку. Замер. Затем, недобро прищурившись, двинулся вниз по ступеням.

Ратмир скучающе поглядел ему в глаза и с вызовом почесал за ухом. Охранников он не боялся. Рослые парни в пятнистой униформе, несмотря на такие грозные с виду резиновые палки у пояса, обычно опасности не представляли. Но

этот был новенький. Вдруг его забыли предупредить, что зарегистрированных трогать нельзя!

Вскоре лицо юноши выразило лёгкую досаду – он наконец-то заметил намордник, бляшку и поводок. Расслабился, прикурил – и, недовольный, вернулся к дубовой двери, возле которой стояла урна с государственным гербом.

Ратмир проводил пятнистую униформу надменным взглядом, и подумал вдруг, что Джерри – при всех его достоинствах – пёс, между нами говоря, скверный. Вроде и мастью взял, и экстерьером, а комком бросили – завизжал, закрутился, как последняя шавка. Ты пёс! Умей за себя постоять! Рывкни, оскалься или вот, как сейчас, лениво поглядев в глаза, почесись с независимым видом...

Следует добавить, что первое знакомство Ратмира и Джерри ознаменовалось грандиозной дракой, в которой Джерри потерпел решительное поражение, что и позволяло теперь Ратмиру думать о своём бывшем противнике с ленивым превосходством.

Нехитрые собачьи мысли были прерваны частым шарканьем и отрывистым злым стуком палки. Со стороны «Будки» быстро приближался маленький ссохшийся старикашка в пыльно-чёрном костюме, на лацкане которого тускло отсвечивали крестообразные и звездовидные регалии. То ли проскочит мимо, то ли привяжется.

В небе опять гроыхнуло. Старикашка приостановился на миг и погрозил гроыханию палкой. «Вредный», – безоши-

бочно определил Ратмир, спешно принимаясь вылизываться. Главное в подобных случаях – держаться понеприметнее.

Стук и шарканье поравнялись с Ратмиром – и смолкли. Пёс нехотя поднял голову. Плохо дело. Вредный старикан стоял перед ним, стискивая набалдашник с такой силой, что даже костяшки пальцев поглубели. Морщинистое личико была судорога.

– У, с-собака! – с ненавистью произнес старикан и гневно ткнул палкой в асфальт.

Ратмир с надеждой взглянул на охранника. Тот погасил окурок о край герблёной урны и, как бы ничего не заметив, скрылся за тяжёлой дубовой дверью. Сволочь!

– Для чего же я за родной Сулов кровь свою проливал? – рыдающе продолжал старикан. – Чтобы ты, кобель здоровый, перед бывшей Государственной Думой в наморднике сидел?!

Ратмир наморщил выпуклый лоб и виновато понурился. Ну, кобель... Ну, здоровый... Что ж теперь делать-то? Всем нелегко: и вам, и нам.

Разжалобить старичишку, однако, не удалось.

– А морду-то, морду наел! Поперёк себя шире! – С этими словами престарелый орденосец судорожно перехватил палку, словно собираясь отянуть наглую псину вдоль спины.

Пугнуть его, что ли?

Ратмир поднялся и, обнажив клыки, издал низкое горловое ворчание – наподобие того, что временами раздавалось с

ясного неба. Старикашку отбросило к шеренге голубых елей – справа от крыльца. Даже на палку опереться забыл.

– Ты ещё рычать? Сукин сын! – взвизгнул он, сам, видно, не сознавая двусмысленности оскорбления. Огляделся, ища комков земли поувесистей. Таковых под елями имелось превеликое множество. В панике Ратмир рванулся из всех собачьих сил. Столб, к которому он был привязан, естественно, устоял, зато в машине хозяина включилось противоугонное устройство. Ошейник передавил горло, в глазах потемнело.

Но всё же есть на свете собачье счастье. Снова отворилась тяжёлая дубовая дверь – и на крыльцо Капитолия ступили трое: мужчина, обильно украшенный шрамами, высокий круглолицый юноша и (Ратмир задохнулся от радости) вальяжный лет сорока шатен с тронутыми инеем висками. Он!

Заслышав истошные вопли противоугонки, хозяин немедленно обратил внимание, что верный его Ратмир стоит в напряжённой позе, и, проследив направление собачьего взгляда, быстро оценил обстановку. Слегка изменил маршрут и, неспешно сойдя по ступеням несколько наискосок, оказался за спиной престарелого ненавистника городской фауны.

– Какие проблемы, отец?

Произнесено это было мягко, с участием, и всё же старикан вздрогнул. Обернувшись, он к облегчению своему узрел перед собою отнюдь не тупорылого отморозка из Общества охраны животных (эти пощады не знают), а крупного интел-

лигентного мужчину, кажется, настроенного вполне благожелательно. Снова задохнулся от злости и не в силах выговорить ни слова потряс палкой в сторону Ратмира.

– Понимаю тебя, отец, понимаю... – Представительный незнакомец, благоухая импортным одеколоном и контрабандным коньяком, приобнял старичишку и продолжал интимно: – Ну вот скажи: кому это всё мешало? Кому мешало единое, сильное Суслово? Тебе? Мне? Зачем нужно было всё ломать по новой? Что, не было свободы у нас? Была... А теперь? Теперь беспредел! Ты со мной согласен, отец?..

– Гранату!.. – прохрипел старикан, вновь потрясая палкой, но уже в сторону бело-розового здания с колоннами. – Гранату им туда, сукиным детям!..

– Конечно! – подхватил незнакомец. – Гранату! Давно пора, отец, давно пора... Вот давай завтра встретимся, прикинем, где раздобыть... – Обаятельный, как сорок тысяч братьев, он повернул собеседника за хрупкие плечики, вывел его из-под елей на тротуар и, придав нужное направление, вернулся к машине, вытирая руки одноразовым платком.

Очень вовремя, нужно сказать, поскольку Ратмир был уже вне себя. Поведение хозяина показалось ему предательством. Как? Потрепать по холке – кого?! Того, кто чуть не запустил в него комком земли? Будучи откреплён от столба, пёс просто обезумел: огрызнулся на украшенного шрамами шофёра-телохранителя, чуть не вырвал из рук поводок.

– Ратмир! – угрожающе рявкнул громила – и был облаян.

Вдвоём с молодым человеком они кое-как уговорили разъярённого пса занять своё место в машине.

— Я с ним рядом не поеду! — решительно предупредил молодой. — Рванёт через намордник — лечись потом... Гля! Аж белки кровью налились! Вот зверь! А прикус у него — видел?

Телохранитель не ответил. Был занят, распахивал переднюю дверцу перед хозяином. Тот, усевшись, оглянулся с улыбкой и, безбоязненно протянув широкую ладонь, с грубоватой лаской потрепал ощерившегося Ратмира по загривку.

— Хор-роший пёс, хор-роший... Так его, падлу старую... Ишь! Гранату ему...

И Ратмир чуть не описался от счастья — как щенок.

* * *

Убедившись, что зверь настроен теперь вполне миролюбиво, молодой человек, вопреки недавнему зароку, расположился рядом с ним на заднем сиденье — даже рискнул осторожно почесать за ухом. Ратмир позволил, но особой радости не выказал. Не принадлежа к так называемым собакам волчьих пород, он тем не менее свято чтит иерархию, ставя выше себя лишь хозяина — вожака стаи. Ко всем прочим пёсам в лучшем случае относился как к ровне, а кое-кого (старушку уборщицу, например) просто третировал.

— Совсем народ одичал, — молвил со вздохом молодой. —

На собак бросается...

Автомобиль катил по бетонной набережной Сусла-реки мимо недостроенной высотной гостиницы – в данный момент тихой, но вообще имевшей обыкновение при малейшем ветерке устрашающе грохотать листовым железом.

– Ну а как ты хочешь? – не оборачиваясь, задумчиво откликнулся хозяин. – На владельцев-то бросаться боязно... А собака – тварь безответная. Она ведь по нашим временам – как ни крути, а признак социального статуса. Предмет роскоши... – Он всё-таки слегка наклонил торс влево и одарил Ратмира благосклонным взглядом через плечо. – Знаешь, в какую копеечку мне этот красавец влетает?

– Да уж, – деревянно поддакнул молодой, на всякий случай отодвинувшись подальше от мигом наострившего уши пса. Умная бестия этот Ратмир. Всё понимает – с полуслова. – Собака – удовольствие дорогое...

За горизонтом ухнуло особенно гулко. По слюдяной глади Сусла-реки клином пробежала серо-синяя рябь. Сзади отозвалась, грохнула железом недостроенная гостиница, чуткая, как камертон.

– А куда податься? – Хозяин всохотнул не без сарказма. – Ради престижа, Гарик, на всё пойдешь... – Он снова простёр длань и потрепал пса за брылья. – Ну, ничего, Ратмир, ничего... Кончились чёрные деньки. Последний раз ты у столба на привязи сидел. Скоро вас, сукиных детей, даже в Капитолий пускать будут. Уже законопроект подготовили...

– Как? – поразился молодой.

– А вот так! Иначе ущемление в правах получается...

– Чьих?

Хозяин запнулся.

– Н-ну... наших... Да и его тоже... – кивнул он на своего четвероногого друга.

* * *

Сотрудники фирмы давно заметили одну странную черту в характере пса: стоило освободить Ратмира от намордника, как он напрочь терял агрессивность. Впрочем, недоумение сотрудников свидетельствовало лишь об их дремучем невежестве в области науки этологии. Попадись им брошюрка на данную тему, они бы, тёмные люди, с удивлением открыли, что поведение животных сплошь и рядом связано с понятием барьера безопасности.

Да и поведение людей тоже. Бывает, рвётся мужик в драку – еле вчетвером удержишь. Пена у рта, смотреть страшно. «Пусти! – кричит. – Убью!» А вот взять из любопытства да и отпустить. Думаете, убьёт? Даже мордобоя не учинит.

За барьером-то мы все храбрые...

С вываленным от счастья языком и болтающимся на груди намордником спущенный с поводка Ратмир крупными прыжками промчался на второй этаж, огласив лестницу шумной и частой собачьей одышкой. Ворвавшись в приём-

ную, неистово завилая задом и, подпрыгнув, попытался лобызнуть секретаршу Лялю прямо в свеженакрашенные губы.

– Фу, Ратмир! – закричала она, смеясь, и шлёпнула его по выпуклому лбу сложенной газеткой, которую пёс немедленно пробил клыками и поволок на себя.

– Не смей! – завопила Ляля. – Порвёшь! Там про тебя статья, дуралей! С двумя фотками!

Полиграфическое изделие всё же пришлось выпустить из рук, иначе бы оно просто разошлось на лоскуты. К счастью, Ратмир не стал терзать газету; мотнув брылами, отшвырнул трофей и снова заскакал вокруг своей любимицы секретарши.

В приёмную вошёл хозяин. Усмехнулся.

– Разыгрались... – проворчал он, направляясь к дверям своего кабинета. – Ну-ка прекращайте эту зоофилию! Между прочим, уже две минуты как обеденный перерыв...

Зардевшаяся Ляля подобрала с пола газету. Ратмир вскинул лобастую голову и горделивой поступью прошествовал в коридор. Толкнул носом дверь раздевалки и, войдя внутрь, с болезненным наслаждением поднялся с четверенек. Будя! Отработал! Хрустнув суставами, выпрямился во весь рост, расстегнул ошейник и, избавившись от пыльных налпаников, переступил в пластиковые банные шлёпанцы.

Нахмурился, озабоченно взялся за поясницу. Нет, терпимо. А может, к дождю...

– Тьфу! Бесстыдник! – послышался из коридора мерзкий

голос уборщицы – и Ратмир, спохватившись, прикрыл дверь. Ну вот! Теперь побежит ябедничать, язва старая: дескать, домогался, мужские достоинства демонстрировал... А впро-чем – пёс с ней! Соврем, что был ещё в ошейнике. И пусть докажет, что не был!

Спустя малое время, приняв душ и переодевшись (рубашка, джинсы, кроссовки), он вновь появился в приёмной, небрежными жестами смахивая влагу с суперкороткой стрижки. Секретарша Ляля, наморщив прикрытый чёлкой лобик, с сосредоточенным видом разглаживала пробитую клыками газету.

– Насквозь прокусил! – упрекнула она, сердито подставляя щёчку для приветственного поцелуя. – Неужели нельзя было...

– Нельзя, – не дослушав, бодро ответил он. – Чего нельзя, Лялечка, того нельзя. Работа есть работа... Ну-с, и что там о нас пишут?

Глава 2.

Собачья радость

Погребок «Собачья радость» располагался всего в полутора кварталах от фирмы «Киник», где служили Ратмир и Ляля. Оформлен он был живописно: дубовые столы, стены и своды из тёсаного камня, на железных крюках развешаны почтенного возраста арапники, намордники, ржавые цепи – чуть ли не из скифского кургана. В городе насчитывалось три подобных заведений, и все они принадлежали легендарному Петру Макарычу Караулову, по старой памяти охотно отзывавшемуся и на кличку Адмирал. Прекрасная obsлуга, приличные повара, приемлемые цены. Единственная сложность – без бляхи вас туда не пустят.

Существовал в Суслове ещё и ресторан «Муму», но это уже не по нашим сусалам. Элита! Собаководельцы! Ратмир бывал там несколько раз – в рабочее, естественно, время. Иными словами, в ошейнике и на поводке... Ну, что сказать? Нам так, конечно, не жить никогда.

– Доброго здоровьичка, Ратмир Петрович! – радушно приветствовал их коренастый кривоногий швейцар. Морда у него была морщинистая, складчатая – как у автомобиля после лобового столкновения. Старая гвардия, один из пригретых Адмиралом отставников. – С вами? – Одобрительно

осклабься, страж врат покосился на Лялю.

– Со мной, Азорыч, со мной...

А то он, старый пёс, сам не видит! Но так уж здесь заведено. Иначе – не ровён час – возомнят о себе людишки.

Ляля сердито сдвинула бровки, Ратмир усмехнулся – и оба сошли по деревянным ступеням в колодезную прохладу погребка.

Обеденный перерыв в большинстве других фирм начинался часом позже – в сводчатом каменном зальчике было просторно. За ближним от входа массивным столом, смешно задрав лохматые чёрные брови, сидел и читал газету маленький тщедушный Боб из «Сусловского сусла». Услышав, что с ним здороваются, вскинул испуганные похожие на вишенки глаза.

– Америка-то, – произнёс он упавшим голосом. – Вконец оборзела! Совсем с цепи сорвалась!

– Опять с Лыцком лаются? – лениво осведомился Ратмир.

– Бомбят... – горестно отозвался Боб.

За погружённой в полумрак стойкой таинственно, как в пещере, мерцали хромированные рукоятки и крантики каких-то хитрых агрегатов. Негромко звучал «Собачий вальс».

– А про него, между прочим, – не без кокетства ввернула Ляля, кивнув на спутника, – целая статья вышла.

Лохматые брови упали на глаза и тут же взлетели вновь.

– Лизнули? Где?

– В «Вечернем Суслове». Не читали ещё?

Чёрная неухоженная бородка недовольно заворочалась под чёрными и столь же неухоженными усами. Тримминговать пора.

– Нет! – угрюмо сказал Боб. – «Суслика» я не читаю. Они там все Западу продались. Вот что читать надо! – Он потряс своей газетой. – Правда и только правда...

Ратмир всмотрелся. «Парфорс». Орган радикалов.

– Да брешут все подряд! – небрежно молвил он. – Хотя... Врут-врут, а потом возьмут да и похвалят. Верно, Бобик?

Нервный собрат по ремеслу подскочил на табурете и метнул исполненную правды газету на стол. Звякнула чайная ложечка.

– Не смей называть меня Бобиком! – взвизгнул он. – Сколько раз можно повторять? Меня зовут Боб! Боб и только Боб! Это официальная кличка! Так что будь добр!..

– Ну вот, обиделся! Я ж ласкательно! Ну, хочешь – меня Ратмириком назови...

– Приятного аппетита, господа кобели... – послышался с лестницы мелодичный, хотя и несколько жеманный женский голос – и под каменные своды погребка игривой походочкой снизошла мелко-кудрявая миниатюрная блондинка. Вздёрнутый носик, чёлка – до бровей. – Опять грызёмся? – великосветски осведомилась она.

Оба кобеля разулыбались. Секретарша Ляля пристально изучала исподлобья прикид незнакомки.

– Как там Джерри? – безмятежно продолжала та, словно

бы не замечая, что стала объектом пристального внимания. – Ухо ему, надеюсь, сохранят?

– Сохранят, – усмехнулся Ратмир. – В крайнем случае, пересадят от того, кто в него кинул...

– Ухо за ухо, – подтявкнул Боб. – Камневержец нашёлся! Ох, и освежают его теперь! «Охранка» шутить не любит. Глядишь, и Джерри нашему кое-что со штрафа перепадёт...

Беседа мило сошла на нет. Кудрявая блондиночка уселась напротив Боба, а Ратмир повёл спутницу в дальний угол.

– Кто она? – тихонько поинтересовалась Ляля, когда они расположились за небольшим, но неподъёмным с виду дубовым столиком.

– Кто? Мадлен? – рассеянно переспросил он, изучая меню. – Сучка...

Почувствовав неладное, поднял голову – и увидел, что глаза отстранившейся Ляли изумлённо расширены.

– О господи! – сказал Ратмир. – Ляль! В данном случае никакое это не ругательство. Нормальный рабочий термин...

– Не понимаю... – холодно промолвила Ляля. – Нет, не понимаю. Когда мужик бежит голый на поводке – это ещё ладно. Но когда женщина... Бр-р! – Секретарша брезгливо передёрнула плечиками.

На лестнице стало шумно. Они обернулись. Под каменные своды неспешно спускались три волосатых гиганта.

– Да какой ты сенбернар? – басовито похохатывал кто-то из них. – У настоящего сенбернара, чтоб ты знал, фляжка

должна с коньяком на шее висеть... Первый признак поро-
ды!

– Что будем заказывать? – вежливо осведомился незамет-
но подошедший официант.

* * *

Подвальчик помаленьку заполнялся. Время от времени
Ляля украдкой оглядывала зал. За исключением нескольких
весьма немногочисленных лиц, проникших в «Собачью ра-
дость» подобно ей по знакомству, большинство посетителей
вело себя довольно раскованно.

– Каштанка – понимаю! Собака Баскервилей – понимаю!
Но портрет Павлова – зачем?

– Как зачем? А условный рефлекс? Посмотришь – и сразу
слюноотделение...

Оглашали свежий анекдот, обсуждали подробности лыц-
ко-американского конфликта, интересовались состоянием
Джерри.

– Кому череп пробили? Ему?! Ой! Держите меня четверо!
Там царпинка одна на ухе. Вот такая. И всё!

– Но я ж не сама придумала! Люди говорили...

– А ты им больше верь, людям!

Ледяную окрошку проголодавшиеся Ратмир и Ляля успе-
ли уплести задолго до прибытия мяса в горшочках.

– Дай-ка я всё-таки взгляну, что они там понамаракали, –

сказал Ратмир, разворачивая пробитую клыками газету. – Не возражаешь?

Ляля не возражала – и Ратмир склонился над «сусликом». Наморщил лоб, властно сложил губы, и лицо у него стало строгое, брыластое – как на службе. Двигались только выпуклые карие глаза.

Полстраницы уделили – солидно, солидно... И фотографии удачные: одна – в собачьей ипостаси, другая – в чело-вечьей.

«Кор.: Видел сегодня, как вас выгуливали. А где же медаль? Почему на ошейнике одна только бляха? Насколько мне известно, на Первом Всесусловском конкурсе «Кинокефал» вы удостоились почётного третьего места. Что это? Излишняя скромность или просто боитесь зависти ваших четвероногих коллег?

Рат.: Всё проще. Честно говоря, медаль ещё не отчеканили. Диплом – тут, на стенке, а медаль...

Ратмир издал недовольное ворчание. Зря. Вот это они – зря. Не хватало ещё поссориться с устроителями! Ну-ка, ну-ка, дальше...

«Кор.: Как?! До сих пор? А причины?

Рат.: Думаю, хотят отчеканить покрасивее...

Ну слава богу! Хорошо хоть догадался на шутку свести... А впредь, конечно, поосторожнее надо с господами репортёрами. Шакалы... Тут Ратмир обратил внимание, что Ляля, кажется, недовольна его поведением, и, сложив газету, улыб-

нулся спутнице.

– У тебя с ней что-нибудь было? – внезапно спросила она.

– С кем? – удивился Ратмир. – А! С Мадлен... Успокойся. Она не в моём вкусе. Предпочитаю рыженьких худышек. Вернее – рыженькую худышку... – обворожительно уточнил он.

– Я имею в виду: в рабочее время, – пристально глядя ему в глаза, пояснила Ляля. – Когда хозяева развлекаться изволят... Как это у вас там называется? Вязка? Случка?

Ратмир выпрямился и отложил газету. Не так, конечно, как Боб, но тоже довольно резко.

– Ляля! – негодуя одёрнул он. – Ты что же думаешь: раз собака – то, значит, с ней можно обращаться как с бомжом? Собака – это...

– Звучит гордо? – не удержалась она.

– Да, представь себе, звучит! – С каждым словом Ратмир точно натягивал всё туже и туже невидимый поводок. – Конечно, встречаются и среди нас убудки, но это же надо последний стыд утратить, чтобы на такое пойти! Всё равно что заявиться сюда на четвереньках и в наморднике!

– В «Собачью радость»? А разве нельзя?

Незримый поводок несколько ослаб.

– Да нет, можно в принципе... Пропускают-то – по бляхе. Просто существуют определённые правила приличия... Точно так же и со случкой.

– А прикажут? – тихо спросила она. Губы её дрогнули.

Поводок натянулся рывком – и лопнул.

– Кто прикажет?! У меня в аттестате записано – боксёр!
А Мадлен – болонка! Нас вообще не положено вязать!

Появился официант и поставил на стол дымящееся второе.

Мрачный, будто на цепь посаженный, Ратмир, высвободил завёрнутую в салфетку вилку, наколол кусочек мяса, но, взглянув на несчастное личико рыженькой секретарши, сообразил наконец, в чём дело. Ревнует, дурашка.

– Не бери в голову! – жизнелюбиво посоветовал он. – Если такое случится, одно заявление – на стол, другое – в суд, третье – в Общество охраны животных. Не расплатятся...

Ничуть не обрадовавшись услышанному, Ляля медленно-медленно развёртывала салфетку.

– А с той боксёршей? – напомнила она, не поднимая глаз.

Ратмир насупился, покряхтел.

– Н-ну... – сказал он. – Всё-таки, согласись, боксёрша – не болонка... И вообще! Что за наезды? Сама вон с директором...

Ляля вспыхнула.

– Я – секретарша! – с достоинством напомнила она. – Это часть моей работы!

– А это – часть моей!

Помолчали сердито.

– Она здесь? – Ляля вновь осмотрела зал.

Ратмир ответил не сразу. Погрустнел, развесил брылы.

– Нет её здесь, – сообщил он со вздохом. – Да и быть не может... У нас ведь, Ляля, нервы должны быть железные. А она себе, видать, слабинку дала... Ну и результат: выкрутила голову из ошейника – да в бега!

– И что с ней теперь?

– Не знаю. Видел однажды на улице. Издали... Опустилась, по мусорным ящикам бутылки собирает... А работала – классно. Талант.

– Вспоминаешь её?

Ратмир замялся, заглянул в горшочек с остывающим мясом. Тут же проклял себя за эту заминку, разозлился и, вскинув голову, увидел, что Ляля сидит с застывшим лицом, уставив на него широко раскрытые с дышащими зрачками глаза.

– Покажешь?.. – шепнула она почти неслышно.

– Что?.. – растерянно переспросил он.

– Покажешь, как ты с ней это делал?.. После работы...

Теперь замерли оба. Губы Ратмира мгновенно пересохли. Он попытался взять со стола бокал – рука не слушалась. Наконец любовники (а они уже третий день являлись таковыми), кое-как превозмогли себя и вновь приступили к еде. Беседа их, однако, возобновилась нескоро. Потребовалось вмешательство одного из волосатых гигантов, подошедшего шумно поздравить Ратмира со статьёй в газете (вообще-то это было интервью). Причём глядел поздравляющий не столько на коллегу, сколько на его спутницу.

– Колли? – осведомился он наконец.

– Секретарша.

– Зря, клянусь Сократом! – добродушно пробасил гигант.

По местным понятиям это был комплимент.

– Почему Сократом? – тихо спросила Ляля, выждав, когда обаятельный завсегдатай – несомненно, кобель – отойдёт подальше.

– Шутка такая. Сократ всегда клялся собакой...

– А-а...

Они доели мороженое и одновременно посмотрели на часы, когда на лестнице послышалось отчётливое цоканье пластиковых наладников о деревянные ступени.

– Ну вот и Дже... – завёл было чей-то радостный голос, но осёкся.

В зале стало тихо. А тут ещё обмерший у стойки бармен сделал неловкое судорожное движение – и под каменными сводами снова зазвучал «Собачий вальс».

Да, это был Джерри. Рыжий Джерри. Живой и относительно здоровый. С пластырем на левом ухе. Но главное заключалось не в этом. Он вбежал в зал на четырёх. В ошейнике и наморднике.

Нагловатый пьяненький подросток (надо полагать, сын или племянник хозяина) оглядел мутными глазёнками замерших от изумления посетителей и, поддёргнув поводок, произвёл губами омерзительный чмокающий звук, за который порядочная собака могла бы и глотку порвать. Но Джер-

ри – повиновался. Задирая узкую длинную морду и преданно кося глазом на чмокнувшего, а может, напротив, старательно отворачиваясь, чтобы ненароком не увидеть лица коллег, он запрыгал, засеменял, подстраиваясь под неровный шаг нетрезвого оболтуса.

– Сидеть! – скомандовал тот, когда оба оказались у стойки. Потом спросил кружку пива.

Все оцепенело смотрели на происходящее и прикидывали в смятении, какие же неслыханные сверхурочные сумел выговорить себе этот рыжий ублюдок за нынешний свой позор.

Бармен медлил, не зная, на что решиться. Действительно, ситуация складывалась непростая и, мягко выражаясь, диковатая. С одной стороны в правилах нигде не записано, что в «Собачью радость» разрешается входить только в человеческом обличье, но это как бы подразумевалось само собой! Да и отставной бульдог Азорыч формально был прав, пропустив обоих в зал, поскольку на ошейнике Джерри болталась бляха, а поводок недвусмысленно указывал на то, что нагловатый тинейджер пытается проникнуть в погребок отнюдь не самочинно, но в качестве протеже своего же собственного пса.

Бармен взял бокал, поднёс его к сияющему кранику и снова засомневался. Но тут на помощь ему пришёл тот самый волосатый гигант, что несколько минут назад поздравлял Ратмира со статьёй. Медленно приблизившись к стойке, он подобно утесу воздвигся перед ожидающим пива щенком.

Протянул окутанную рыжеватой шерстью лапищу – и «Собачий вальс» оборвался.

– Собакам сюда... нельзя... – тяжело, будто камни ворочая, известил великан, непонятно, впрочем, кого имея в виду. – Тут... люди... обедают...

Подросток смерил громаду дерзким взглядом, приснул.

– Люди?.. Тут?.. – Он оглядел зал – и ухмылка стала медленно сползать с его не шибко умного рыльца.

Стремительно трезвея, он увидел воочию, как обращённые к нему лица меняются, становясь подобием грозно наморщенных собачьих морд. Овчарки, мастиффы, ротвейлеры – и вся эта свора молча, не мигая, смотрела на него в упор. Потом в полной тишине померещилось низкое нарастающее клочкотание многих глоток. Рыжий Джерри заскулил, прижался к ноге, потом сообразил, что неважная это защита, – и стремглав кинулся к выходу, таща за собой не слишком упиравшегося юнца. По лестнице он проволок его с грохотом.

Молчание длилось ещё несколько секунд.

– Я с ним больше за один стол не сяду... – возмущённо выдохнул кто-то.

Все одичало оглянулись на голос.

Глава 3.

Волчий скак

– Успеваем? – тревожно спросила Ляля, взглянув на часы.

– Успеем, – буркнул Ратмир.

– Ты-то успеешь! – огрызнулась она.

Обеденный перерыв у четвероногих сотрудников, согласно закону о трудовых взаимоотношениях, был на пятнадцать минут длиннее, чем у двуногих, что являлось постоянным поводом к зависти и злословию со стороны последних.

Костью раздора, выражаясь фигурально.

– Да кто из нас собака, в конце-то концов! – надрывалась мордастая пучеглазая бухгалтерша – сука редкая. Вопила столь широковещательно, что пришлось однажды тронуть скандалистку клыками за икры. Визгу было...

– А не дразните... – величественно изронил директор, к которому эта дура побежала жаловаться (нашла, кому!). – Вы бы ещё палец в распределительный щит сунули!

С тех пор на открытую травлю склочница не отваживалась, но исподтишка продолжала, конечно, урчать и злобствовать...

Выбравшись из погребка в горячий, отдающий машинной гарью воздух, Ратмир и Ляля некоторое время шли молча. Собачье и человеческое достоинство Ратмира было уязвле-

но. Да и Ляля после того, что стряслось несколько минут назад, чувствовала себя не слишком-то комфортно.

– Дерьмо собачье! И я ещё с ним из одной миски лакал! – сдавленно говорил Ратмир. – Лишить его бляхи, пса позорного! Собраться всей Гильдией – и лишить... Так ведь не позволят – вот что обидно-то! Последнее слово – за хозяевами...

– Сам сбежит, – проницательная, как и все женщины, предрекла Ляля. – Вы ж его теперь загрызёте...

Ратмир прикинул, повеселел, а тут вдобавок подвернулась возможность сорвать дурное настроение на ком-то постороннем. Из переулка навстречу им выбежал на четвереньках голый юноша без ошейника – и Ляля ахнуть не успела, как её спутник отвесил приبلудному пинка. Тот взвизгнул, шарахнулся, потом внезапно вскочил на ноги, принял некое подобие боевой стойки, но, оценив мощную сухую фигуру обидчика (квадратный корпус; сильная, мускулистая, без складок шея; курносая, слегка брыластая морда; немигающие карие глаза), сообразил, что перед ним, скорее всего, боксёр – возможно, в обоих смыслах этого слова, после чего мигом вернулся на четвереньки – и опрометью кинулся за угол.

– За что ты его? – вскрикнула Ляля. – Он же так работу ищет!..

– Ну вот куда собачники смотрят?.. – раздувая ноздри, прорычал Ратмир. – Идёшь на поводке – по несколько раз ведь остановят, да ещё и штраф с хозяина слупят... дескать,

справки нету о прививках! А когда надо – хоть бы один показался!.. – Вздёрнув губу, недобро взглянул на облупленный угол здания, за которым только что исчез обиженный. – Его счастье, что у меня обед! Был бы я сейчас при исполнении...

– Не люблю, когда бьют животных, – сухо проговорила Ляля. – Особенно собак.

Эта её фраза просто потрясла Ратмира своей бестактностью.

– Кто собака?! – Он даже приостановился, настолько был ошарашен. – Вот этот цуцик незарегистрированный?.. Ты спроси его, какой он породы! Нарочно догони и спроси! Ведь не ответит же!

– А если дворняжка?

Несколько мгновений Ратмир в злобном изумлении пучил на секретаршу глаза. Потом вдруг расхохотался.

– Лялечка! Прелесть ты моя! Посмотри на меня! Вот я – профессионал высокого класса. Так я тебе клянусь: дворняжкой я работать не сумею. И никто не сумеет. Это же самое сложное, что может быть в нашем деле: дворняжка! С породистыми проще, ты уж мне поверь...

– Так бойко выбежал... – растерянно сказала Ляля.

– Мерзко он выбежал! Мерзко. Кто ему лапы ставил?.. Да скорее всего, сам и ставил... Срамота – с первого пинка вскочил! А вот хотел бы я посмотреть, как этот цуцик при такой побежке лестницу одолеет... Только вниз, вниз! Вверх-то – любой дурак... – Голос его пресёкся – и Ляля с гримаской со-

чувствия пожала крепкий бицепс спутника. Ратмир накрыл её руку своей.

– Да-а, времена... – с горечью продолжил он. – И ведь каждый думает, что всё может! Делов-то! Стал на четыре мосла и залаял...

В небесах легонько рывкнуло. Секретарша Ляля вздрогнула. Ратмир лишь досадливо мотнул головой.

– Понимаешь, – сказал он. – То, что ты не ценитель, это полбеда. А вот то, что хозяйева сплошь и рядом не секут, где классная работа, а где халтура, – вот это уже беда. Да что далеко за примером ходить! Тот же Рогдай Сергеевич...

– А мне казалось, ты его так любишь...

– В рабочее время! – отрезал Ратмир. – А в обеденный перерыв я никого любить не нанимался!..

В следующий миг Ляля испуганно вцепилась в его локоть, потому что из-за поворота... Нет, слава богу, ошиблась. Правда, показавшаяся из-за поворота девица шла телешом и без ошейника, но на двух ногах, а главное – в ажурных туфельках на высоком каблуке. Нудистка.

В Суслове их летом – как собак нерезаных.

* * *

Еще немного и опоздали бы. Ляля стремительно вспорхнула в приёмную, Ратмир же, не теряя достоинства, двинулся неспешно в раздевалку. Странно, но, готовясь вернуться в

собачью ипостась, он мылся под душем гораздо тщательней и раза в два дольше. Как хирург перед операцией.

И ладно бы только сегодня, когда хотелось содрать с себя мочалкой воспоминание о случившемся в «Собачьей радости»! А то ведь всегда...

Выйдя десять минут спустя из раздевалки через им же самим заранее приотворённую дверь, он направился в приёмную не сразу, а для начала побегал, вживаясь, по коридору. Вызывающе громко цокая пластиковыми наладчиками, почти уже миновал закуток бухгалтерии, как вдруг услышал сквозь филёнку сварливый голос мордастой своей супротивницы – и еле преодолел соблазн в знак презрения задрать лапу у косяка. К счастью, вспомнилась давняя, но памятная выволочка за точно такую же проделку – поэтому Ратмир ограничился тем, что пренебрежительно фыркнул и несколько раз отбросил задними лапами воображаемую землю.

Всё. Можно работать...

В приёмной старушка уборщица поспешно домывала полы. Секретарши Ляли на месте не было – не иначе, послали куда-то с поноской. Жалобно поскуливая, пёс покрутился у закрытой двери кабинета, поцарапал её лапой, не зацепил – и с разочарованным видом завалился под стол, где, жалобно наморщив лоб, вплотную занялся хорошо уже изгрызенной косточкой из литой резины.

– А ну пошёл! – отчаянно закричала уборщица. – Я там ещё не мыла!

Ратмир даже ухом не повёл. Старушка опасливо потыкала его шваброй – и тут же лишилась инвентаря. Крепкая лапа упала на спелёнутую мокрой тряпкой перекладину. С силой вырвавшееся из рук древко оглушительно стукнуло об пол. Уборщица нагнулась, чтобы вернуть утраченное, однако была остановлена негромким, но явственным рычанием. Из-под стола на неё смотрели, не мигая, коричневые круглые глаза, ничего хорошего не обещавшие.

Всплеснула руками и побежала жаловаться. Видя такое дело, Ратмир мигом вылетел наружу, предвкушающе припал на передние лапы, прогнул спину, заюлил задом. Действительно, вскоре дверь кабинета отворилась вновь – и вслед за потерпевшей в приёмную выглянул хозяин.

– Бандитствуешь? – осведомился он мрачно и в то же время добродушно.

Ратмир взвизгнул, кинулся к нему со всех ног, заплясал, то и дело вскидываясь на задние лапы. Швабра и резиновая кость были забыты напрочь.

– Соскучился, пёс, соскучился... – Приговаривая нараспев, хозяин привычным движением потрепал ему холку. – Ну пойдём, у меня посидишь. А то, чувствую, убрать ты здесь не дашь. Только цацку свою захвати...

И пёс отпрометью бросился за резиновой игрушкой – не столько, разумеется, ради неё самой, сколько из радости сделать приятное самому главному человеку на свете.

– Да хотя бы с Лыцком сравни! – с досадой говорил Рогдай Сергеевич, директор фирмы. Сбросив пиджак, он сидел на краешке рабочего стола и, засунув руки в карманы, нервно качал ногой. – Вроде бы и война у них, Гарик, и террор, а инвестиции из-за бугра всё равно ползут... И не боятся ведь вкладывать!

Его дальний родственник и заместитель по общим вопросам Гарик – тоже без пиджака и тоже заложив руки в карманы – стоял, опершись задом на подоконник, и, пристально следя за колебаниями директорской туфли, задумчиво кивал в такт.

За Сусла-рекой заворчал и дробно ухнуло. Даже блеснуло слегка. Гарик на звук не обернулся, но кивать перестал.

– Слышь, как вложили? – склонный по молодости лет к зубоскальству, цинично заметил он. – По-моему, ракетный удар называется...

– Я бы уже, наверное, и на ракетный удар согласился, – устало молвил Рогдай Сергеевич. – Отрицательная реклама – тоже, знаешь, реклама... Как это у классика? «Высек – и тем запечатлел...»

Директор слез со стола. В скорбном раздумье направился к бару, где открыл стеклянную дверцу, достал коньяк, наполнил два хрустальных напёрстка и, вручив один из них за-

местителю, вновь увенчал собою насиженный угол столешницы.

– Да что ж мы за глушь такая! – с тоской проговорил он. – Москва нас не замечала, Запад – не замечает... Татары – и те стороной обошли!

– Какие татары? – весело возмутился Гарик, имевший за чем-то высшее историческое образование. – Первое летописное упоминание о Сулове – пятнадцатый век...

Рогдай Сергеевич выпил и со стуком отставил хрустальный напёрсточек.

– В-вот! – выдохнул он, воздев указательный палец. – Значит, и летописцы тоже... До самого пятнадцатого века ни одна собака вниманием не удостоила! А знаешь, почему? Безликие мы, Гарик! Возьми Баклужино, Сызново... Про Лыцк я уже не говорю. Да! Бывшие районы Суловской области! Но у каждого своё лицо, свой нрав... А мы? Вечно под кого-то косим, вечно кого-то лижем! Либералами себя объявили, Думу в Капитолий переназвали... Нет, ты пойми, я ведь не против, но не всё же надо подряд перенимать! Нудисты эти, к примеру... Ну на кой они нам пёс?

– О! – сказал Гарик, приникая к оконному стеклу. – Кстати! Нудисточка дефилирует... Взглянуть не хочешь?

– Да иди ты к чёрту! – вспылil директор. Взгляд его упал на веревочный коврик у двери, где, прижав лапой резиновую кость, сладко посапывал Ратмир. Внезапно заскулил, затрепетал, принялся мелко-мелко перебирать лапами. Что-то,

видать, приснилось.

– А собаки? – полюбопытствовал Гарик, тоже взглянув на пса.

– А вот собак не замай, – хмуро отозвался Рогдай Сергеевич. – Собаки, Гарик, пока наш единственный козырь. Ты пойми: кроме как в Суслове люди нигде больше псами не служат. Комиссия по правам человека из-за них приезжала, этнографы интересовались... Такой мог международный скандалчик выйти! Прозевали момент.

– Да я не о том. Я, так сказать, об истоках явления... Грубо говоря: у кого передрали? Ну не сами же додумались!

Директор помолчал, ухмыльнулся неловко.

– Дурь полосатая! – признался он. – Ты-то не помнишь – ты тогда ещё под стол пешком ходил. Было, короче, сообщение в прессе: дескать, в Лос-Анджелесе люди к миллионерам собаками работать нанимаются. Последний писк! Ну а мы что, хуже, что ли? Год спустя оказалось – «утка». А за год тут такого понаворочали! Гильдию служебных собак учредили, Общество охраны домашних животных перепрофилировали, теневая экономика вокруг этого дела закружилась. А самое главное: новый признак крутизны возник! Выходи в любом прикиде, из любой тачки, но, если рядом с тобой никто не бежит на четвереньках и в чём мать родила – значит ты лох!

– Ле-тятя «утки-и»... – затянул было Гарик, но до такой степени фальшиво, что сам содрогнулся и умолк. – Всё равно

непонятно, – сказал он. – Ну «утка»! Ну и что? Мало ли их было, «уток»! Но почему именно собаки?

– Стало быть, на душу легло, – жёлчно отозвался Рогдай Сергеевич. – Родным повеяло! Привыкли на цепи сидеть...

Оба вновь посмотрели на спящего пса. Ратмир вздёрнул веко, явив на секунду мутный спросонья глаз.

– А знаешь, я ему иногда завидую, – доверительно молвил директор. – Ушёл в работу – и никаких проблем, спит себе...

С этими словами он съёрзнул с краешка столешницы и уже, наверное, в четвёртый раз двинулся к бару.

– Напиться, что ли, сегодня? – задумчиво прикинул он, открывая стеклянную дверцу.

* * *

Тревожны собачьи сны. Когда-то, в самом начале карьеры, Ратмира постоянно преследовал один и тот же кошмар: в рабочее время он, забывшись, идёт по коридору на двух ногах – и все на него молча смотрят. Внезапно он осознаёт ужас ситуации. В перспективе – увольнение, волчий билет, изгнание из Гильдии... Надо как-то выкручиваться! Ратмир падает на четвереньки, подбегает к хозяину, юлит, виляет задом, заглядывает в глаза: похвали! Видишь? На задних лапках ходить умею! Служу я, служу!.. Хозяин растерян, он понимает наивную хитрость пса, ему тоже хочется замять это дело, но попробуй замни, если столько вокруг свидетелей!

И каждый раз, не дождавшись его окончательного решения, Ратмир просыпался в холодном поту.

Потом кошмары пошли реже. Сейчас Ратмиру снилось, что он по-прежнему находится в логове хозяина, правда, само логово изменилось, стало сводчатым, каменным и, пожалуй, даже более навороченным, чем обеденный зал в «Собачьей радости». Низкая плита потолка – вся в копоти, на неровных глыбастых стенах – нарочито примитивные рисунки. Ратмир дремлет неподалёку от углубления в каменном полу, полного настоящей золы. В центре углубления трепыхается костерок. Потом огромная сутулая тень заслоняет на мгновение тусклый неправильный проем входа – и появляется хозяин. Рогдай Сергеевич. Он тоже изменился: тяжкие надбровные дуги, покатые могучие плечи. Чресла задрапированы волчьей шкурой, на груди болтается ожерелье из человеческих зубов. Но в таком виде он ещё милее, ближе и понятнее Ратмиру.

На охоту! Пёс радостно вскакивает навстречу – и картина меняется. Вдвоём они идут по свежему скрипучему снегу вдоль двойного ряда колючей проволоки. На хозяине теперь полушубок, ушанка, валенки, за плечом – ствол карабина. Красная круглая рожа выражает одновременно радость, злость и озабоченность. Те же самые чувства теснятся и в груди Ратмира.

– Вон он, сукин кот! – ликующе ревёт хозяин.

Далеко впереди, проваливаясь по колено в снег, мель-

тешит, пытается бежать чёрная человеческая фигурка, при одном только взгляде на которую дыбом встает короткая шерсть на загривке.

– Стой! Стрелять буду!

В хозяине Ратмир безошибочно чувствует родную собачью душу. И тот же древний инстинкт подсказывает ему, что спотыкающаяся чёрная фигурка принадлежит к ненавистному племени кошачьих.

Кошек Ратмир не любит с детства, но разумное обоснование этой нелюбви пришло к нему только в зрелом возрасте. Кошка не друг человеку. Она отказывается принимать тяготы и лишения во имя хозяина, не говоря уже о том, чтобы умереть от тоски на его могиле! Она ни разу не выследила и не загрызла главного врага человека, имя которому – человек! Она отрицает иерархию, а стало быть, и государство в целом! Она...

– Фас!

И спущенный с поводка пёс кидается в погоню, взрывая лапами снежный прах...

* * *

Ратмир проснулся, потому что почуял неладное. Зарычал, ошетинился, вскочил. Обрывки смутных собачьих сновидений, где он вечно за кем-то гнался или кто-то гнался за ним, беспорядочно метнулись и сгинули. Дверь в приёмную была

приоткрыта, откуда-то издали в кабинет проникали раздражённые людские голоса. Замедленным напряжённым шагом пёс выбрался в коридор – и ощущение опасности усилилось. Говорили на лестнице. Что-то сказал хозяин. Смысла слов Ратмир, естественно, не уразумел, но безошибочным собачьим слухом уловил в снисходительной, барственной речи некоторую растерянность и недовольство.

Прижав уши и выпятив нижнюю челюсть, двинулся вниз по лестнице. Широкие ноздри жадно вбирали насыщенный запахами воздух. Кажется, кто-то чужой вторгся на его территорию (здание фирмы Ратмир искренне почитал своим владением). Мало того – кто-то осмелился не понравиться хозяину!

В крохотном холле возле стола охранника с угрожающим и в то же время несколько смущённым видом топтались два молодых упитанных человека, которых Ратмир видел и обонял впервые. Один из них придерживал за плечо Льва Львовича, заместителя директора по частным вопросам. Здесь же, кроме привставшего из-за стола охранника, присутствовали хозяин, Гарик и не на шутку перепуганная Ляля.

– Да какое наше собачье дело?.. – жалобно собирая в крупные складки и без того не слишком высокий лоб, огрызнулся тот, что придерживал Льва Львовича за плечо. – Мы ж не сами с привязи сорвались! Хозяин послал...

Расплывшийся, бледный, словно из теста вылепленный, Лев Львович только вздыхал понуро, ожидая с обречённым

видом, чем всё кончится. Ратмиру доводилось и раньше наблюдать людскую природу в её первозданном виде, поэтому он сразу уяснил смысл разворачивающейся внизу игры, где кое-кого хотели съесть, а кое-кто не желал быть съеденным. Но главное заключалось даже не в этом: двое упитанных незнакомцев посягали на собственность хозяина, ибо Лев Львович, в понимании Ратмира, несомненно являлся таковой.

– Дал бы хоть шерстью обрасти! – недовольно проговорил Рогдай Сергеевич. – Что ж он так не по-людски-то?..

– А пёс его разберёт! Сказал: взять за шкуру – и волоком!

– Ну, волоком – это, положим... – Директор нахмурился, замолчал, а в возникшую паузу тут же вклинился охранник, давно уже искавший случай вставить нужное словцо.

– Паратого знаешь? – прямо спросил он незнакомца. И зря.

– А что Паратый? – немедленно осерчал тот. – У него своя миска, у нас – своя... Всё! Бобик сдох! Поехали...

Подтолкнул приунывшего Льва Львовича к двери, но тут с лестницы послышался новый звук, похожий на отдалённый рокот танковой колонны.

– Ратмир! – ахнул Гарик – и все оглянулись.

Намерения припавшей к ступеням бестии были очевидны. Налитые кровью глаза идвигающаяся на лбу кожа красноречиво говорили сами за себя. Издав утробный рык, Ратмир обратился на миг в молнию телесного цвета. Махнув

единым прыжком чуть ли не с середины пролета, он упруго оттолкнулся от пола и взвился вновь, откровенно целя передними лапами в живот ближайшего незнакомца.

Трудно судить, имел ли право домашний пёс применить в данном случае этот страшный волчий приём, после которого остаётся лишь догрызть сбитого с ног противника... Впрочем, квалифицированный адвокат отмазал бы Ратмира играючи: парой цитат из Джека Лондона и ссылкой на память предков.

К счастью, помощь юриста впоследствии так и не понадобилась – передние лапы таранили пустоту. Уму непостижимо, но оба столь неповоротливых на вид незнакомца, успели открыть дверь, выскочить наружу – и, что уж совсем невероятно, захлопнуть её за собой.

Глава 4.

Пёс учёный

В конце рабочего дня, приняв душ и переодевшись, Ратмир по обыкновению заглянул в приёмную проститься с начальством по-человечески, но был задержан.

– Зайди, пожалуйста, – покряхтывая и пряча глаза, сказал директор. – Разговор есть...

– Надолго?

– М-м... Пожалуй, да.

У секретарши разочарованно вытянулось личико. Было ясно, что интимному замыслу, возникшему в «Собачьей радости», если и дано осуществится, то никак не сегодня. Ратмир повернулся к Ляле – и виновато развёл кистями натруженных рук. Конечно, он имел полное право послать Рогдая к чертям собачьим, поскольку часы показывали уже пять минут седьмого, однако, помимо служебных обязанностей, существует ещё и элементарная вежливость.

Пришлось войти.

Вот уже третий год Ратмир служил в фирме «Киник» – и тем не менее каждый раз испытывал лёгкое потрясение, обнаружив в конце рабочего дня, что ростом хозяин на пару сантиметров ниже его самого, что не такой уж он большой – скорее располневший, да и всемогущество этого удивитель-

ного человека съёживалось до вполне обозримых и довольно скромных размеров. Потрясение неизменно отзывалось острым разочарованием, что в свою очередь вело к некоторой сухости отношений между сотрудником и работодателем.

– Присаживайся... – со вздохом молвил Рогдай Сергеевич.

Ратмир присел и тут же, невольно поморщившись, взялся за ушибленный бок, которым он пару часов назад вмазался с маху в захлопнутую теневиками дверь. Хорошо ещё развернуться на лету успел!

– Газетку-то – покажи... – сказал директор, воссевши напротив.

Ратмир достал и подал ему всё тот же повреждённый номер «суслика». Глава фирмы водрузил на кончик носа очки в тонкой платиновой оправе и углубился в интервью. Лицо его, поначалу скорбное, вскоре смягчилось, подобрело.

– Славно, славно... – пробормотал он. Потом взглянул на Ратмира поверх линз. – Коньячку не желаешь?

– Нет, спасибо...

Директор уважительно кивнул и не стал настаивать. Дочитав, удовлетворённо сложил газету, потрогал сквозные дырки.

– Следы клыков, однако... – глубокомысленно заметил он. – Интересно: чьих? Для терьера челюсти слишком широки, для мастиффа узки... – Снял очки и выжидающе посмотрел на Ратмира.

Тот молчал.

– М-да... – сказал наконец директор, возвращая газету. – Интервью с самим собою – и то не пощадил. А ведь знал, наверно, что не просто бумажка...

– Служба, Рогдай Сергеевич... – напомнил Ратмир.

– Служба... – опечалившись, повторил тот. Усмехнулся, крутнул головой. – Знаешь, Ратмир... – сообщил он как бы по секрету. – Если, не дай бог, придётся когда-нибудь сокращать штаты, имей в виду: тебя я уволю последним... Во всяком случае, одним из последних. Где-то между Львом Львовичем и Гариком...

– Вы мне льстите, Рогдай Сергеевич... – с утомлённым видом потирая висок, сказал Ратмир.

– Нет, – бросил тот. – Не лъщу. Вспомни хотя бы ту разборку с «Канисом» – из-за госзаказа... Честно тебе скажу: ни на что не рассчитывал. То есть вообще ни на что! Ну сам прикинь: кто мы и кто они! Как увидел этого их Джерри – ну, всё, думаю, конец моему Ратмиру... А хорошо ты его в тот раз порвал!

– Сейчас бы и вовсе загрыз, – мрачно изронил Ратмир.

– Верю, – в тон ему отозвался директор. – На людей вон уже бросаешься... Не понравились они тебе, что ли?

Глаза их встретились – и надолго.

– Вам, – пояснил Ратмир по истечении нескольких секунд. – Вам, а не мне, Рогдай Сергеевич... Вероятно, вы не в курсе, но существует такая тонкость: пёс в большинстве

случаев смотрит не на человека, а на хозяина. Как к этому человеку относится хозяин. Я ведь ещё на лестнице почуял, что не нравятся вам эти двое...

– И поэтому бросился?

– Разумеется!

Директор издал досадливый рык, ударил ладонями по столу и тяжело поднялся на ноги.

– Нет, без поллитры с тобой всё-таки говорить невозможно! – объявил он в сердцах. Открыл бар, выставил на стол извечную пару хрустальных напёрсточков и крепко початую бутылку контрабандного чумахлинского коньяка.

Пришлось употребить.

– Ну и что ты кому доказываешь? – опрокинув стопку, с жаром заговорил Рогдай Сергеевич. – Ты всё уже всем доказал! Ты – пёс. Пёс, каких мало. С большой буквы «П». Но головой-то думать... погоди! Не перебивай!.. Знаю, что ты ответишь: собаки не думают, у них инстинкты...

– Ну, не совсем так... – недовольно начал Ратмир.

– Да помолчи же ты наконец! – взвыл директор, и на какое-то время в кабинете действительно установилась тишина.

– В собачью-то шкуру влезаешь лихо... – тяжело дыша, упрёкнул Рогдай Сергеевич. – А ты в мою влезь попробуй! Вот наехали на Льва Львовича... Между прочим, правильно наехали – долги платить надо. То есть правы не мы. Правы они! Я в этой сучьей ситуации пытаюсь развести всё по по-

нятиям – и тут появляешься ты с раззявленной пастью! А если бы тяпнул, не дай бог? По судам бы ведь затаскали!.. – Налил-махнул ещё одну стопочку и, переведя дыхание, продолжал: – Короче! К чему я веду-то?.. – Голос его плавно сошёл на низы, исполнился укоризненной теплоты: – Служба службой, Ратмир, а в глубине души нужно всё-таки оставаться человеком... То есть хотя бы соображать, что делаешь! – Рогдай Сергеевич с вызовом взглянул в глаза, развёл руками. – Да, вот такой я, прости, прозаический, грубый, вторгаюсь в твоё высокое искусство, но... так же тоже нельзя, пойми! Бок-то болит, небось?

Ратмир ощупал ребра.

– Терпимо...

– А когда в дверь вмазался?

– Вообще ничего не почувствовал. В образе был...

Рогдай Сергеевич скорбно сложил губы, покивал.

– Ладно, – утешил он. – Оформим как производственную травму... А о том, что я тебе сейчас сказал, ты всё-таки подумай.

* * *

Расстались, впрочем, вполне дружески.

Сойдя по лестнице в крохотный тёмный холл и расписавшись в журнале у охранника, Ратмир поискал глазами изящный Лялин росчерк и обнаружил его на предыдущей строч-

ке. Ждала двадцать минут, потом, надо полагать, отчаялась и ушла. Совсем досадно... Телефон ей, что ли, сотовый купить со следующей полочки?

– Ну вы им дали, Ратмир Петрович! – с уважением, чуть ли не подобострастно молвил охранник, принимая журнал. – Как они от вас в дверь-то, а?... Любо-дорого посмотреть... – Метнул опасливый взгляд в сторону пролёта. Там, как и следовало ожидать, никто из руководства не маячил, тем не менее страж на всякий случай притушил голос. – Сильно ругали? – сочувственно осведомился он. – А то что-то долго вы...

– Так, пожурил слегка... – устало отозвался герой дня. – Даже вон ушиб оплатить обещал. И потом мне ведь к выволочкам не привыкать...

Охранник покивал, погрузнел.

– Да-а... – с некоторой завистью протянул он. – Конечно, вам-то проще, Ратмир Петрович. Прикинулись – и вперёд! Знать ничего не знаю, ведать не ведаю... А тут... – Охранник в сердцах бросил журнал под крохотный жестяной светоч на трубчатой изогнутой ножке. – Натравили двух шавок каких-то! Да я бы один их скрутил! Тявкнуть бы не успели... А начальство говорит: не моги! Стой и смотри на них, на волков позорных... – Скривился плаксиво и постучал себя кулаком в камуфлированную грудь. – Обидно, Ратмир Петрович! Аж выть хочется!..

Ратмир ободряюще потрепал его по холке, утешил бедолагу, как мог, и уже двинулся к едва не выбитой сегодня две-

ри, когда в спину последовало жалобно:

– Ратмир Петрович...

Обернулся.

У охранника был несколько смущённый вид.

– Я вот думаю, Ратмир Петрович... может, мне тоже в псы податься, а? Или поздно уже?..

Ратмир хмыкнул, озадаченно выпятил челюсть.

– Да тут дело в общем-то даже не в возрасте...

– Понял... – мрачняя, проговорил охранник. – Тоже, что ли, по блату?

– Ну не то чтобы по блату, – уклончиво молвил Ратмир. – Во-первых, нужны способности, внешние данные...

– Талант! – благоговейно присовокупил страж.

– Можно сказать и так... Потом выучка, диплом. Ну и... желательно, родословная...

– Родословная?

– Желательно, – повторил Ратмир. – Без неё на хороший поводок не возьмут, даже и не надейся. В лучшем случае будешь где-нибудь склад охранять... Хозяевам-то хочется, чтобы собака была чистых кровей, от титулованных производителей... Ну не от Рюрика, понятно, не от Гедемина, но хотя бы от Николая Романова. Гильдия служебных псов – она ведь как возникла-то? На базе дворянского собрания...

– А вы, Ратмир Петрович? – с трепетом осведомился охранник.

– Согласно аттестату, – охально осклабившись, сообщил

тот, — я — последний представитель древнего рода князей Атукаевых...

— А-а... — с облегчением протянул страж, тоже расплываясь в глумливой ухмылке. — Поня-атно... А я, главное, думаю: откуда столько в Суслове дворян?.. — Что-то, видать, вспомнил, встревожился: — Ну а Лев Львович спасибо-то хоть сказал? Вы ж его, считай, у этих волчар отбили...

— Да нет, конечно... — буркнул Ратмир, берясь за дверную ручку. — Вильнул хвостом — и за порог...

— Вот люди! — с горечью подвёл итог охранник.

* * *

Поскольку в кабинетном баре Рогдая Сергеевича по давней традиции имелось всё, кроме закуски, Ратмир решил по дороге домой завернуть в «Собачью радость» и выровнять самочувствие чашечкой хорошего кофе. Народу в сводчатом погребке набилось уже порядочно, зато все были свои. Ратмира сразу же окликнули. Из вороха газет выглянули вздёрнутые бровки и жёсткая бородка симпатяги Боба. Приблизившись, Ратмир увидел, что за тем же столиком расположился и косматый мрачный кавказец Тимур по кличке Тамерлан.

Поприветствовав его крепким рукопожатием, Ратмир сел на свободный табурет, подозвал официанта. В ожидании «капучино» огляделся, прислушался.

– Да щеночек вы мой! – артистическим хорошо смазанным голосом излагал неподалёку благообразный пепельный Артамон Аполлонович (краем карего выпуклого глаза Ратмир запечатлел его вдохновенный породистый профиль). – Знали бы вы, кутёночек, с какими корифеями мне довелось в своё время общаться! Запросто – ну, как с вами сейчас... Адмирал, Лорд Байрон... Я ведь их ещё застал на поводке. Вот это была школа! А теперь... «Под фанеру» скоро лаять начнут! – Расстроенно махнул вялой аристократической рукой – и умолк.

В противоположном углу яростно спорили о правах.

– А разве не дискриминация? Эта ваша победно задранная лапа, господа кобели...

– Нет, но... Вам-то удобнее – присев...

– Да не в удобстве дело! Дело в принципе!..

– Знаешь ты эту сучку! – вполголоса убеждал кто-то кого-то. – Немка. Чёрная такая... Как ее? Эльза? Берта?..

Болтали о чём угодно, но имя Джерри не прозвучало ни разу. Нет такого пса. Нет и не было.

– Говорят, ты сегодня теневую экономику разогнал? – с лёгким акцентом, как и подобает кавказцу, спросил Тимур.

– Как?! – Боб от удивления вывернул бородку набок. Даже газету отложил.

Ратмир невесело усмехнулся:

– Ну, не то чтобы разогнал, но...

– Расскажи, да?

Ратмир, не чинясь, изложил всё подробно, причём начал со сновидений. Многие ли члены Гильдии могут похвастаться тем, что им на работе снятся настоящие собачьи сны, да ещё и с провалами в генетическую псевдопамять! Когда добрался до конца истории, как раз принесли кофе.

– Короче, слишком профессионально работаю, – не без извительности заключил он, делая крохотный первый глоток. – Такие вот, представьте, ко мне у начальства претензии...

Боб долго жевал бородкой и ронял брови на глаза.

– Тут... политика, – вымолвил он наконец.

– Сбесился? – с неподдельным интересом осведомился Ратмир. – Какая политика?

Тот снова схватил газету, развернул и, поднеся её к глазам почти вплотную, принялся быстро-быстро то ли просматривать, то ли обнюхивать заголовки. Листнул, вывернул. Мелькнуло крупно: «Журналисты – сторожевые псы демократии».

– Вот! – сказал он, уверенно ткнув пальцем. – На Западе подозревают, что Суслов – тоталитарное государство. И знаешь, почему? – Боб вскинул таинственные глазёнки. – Преступность слишком маленькая. При демократических режимах так не бывает. И пока мы не повысим уровень преступности, за демократов нам не проканать. Понял теперь?

– Во-первых, брешут, – резонно заметил Ратмир. – Запад про нас не пронюхал и не пронюхает... А во-вторых, я тут

при чём?

Боб подпрыгнул на табурете.

– То есть как при чём? А на теневиков кто бросился? Я, что ли? Ты же, получается, преступление предотвратил!

Ратмир зарычал и завращал глазами. Из-за соседних столиков даже оглянулись тревожно, но вовремя сообразили: дурачится. Тем более что источник тревоги быстро иссяк.

– Водобоязненный ты наш... – оборвав рычание, ласково сказал Ратмир Бобу. Потом вопросительно посмотрел на Тимура.

Огромный кавказец рассеянно разглядывал на свет бокал с хванчкарой.

– Правильно тебе хозяин говорит, – скупое изронил он. – Служба службой, а думать – надо...

От неожиданности Ратмир едва не поставил чашку мимо блюда.

– Не понял. Поясни.

Кавказец медлил.

– Совещание идёт – под столом сидишь? – спросил он.

– Н-ну... под столом, не под столом... Да. Сижу.

– Что говорят – слушаешь?

– Н-ну... интонации, конечно, воспринимаю...

Тимур по кличке Тамерлан повернул лохматую крупную голову и одарил Ратмира долгим недоверчивым взглядом.

– Вах! – подивился он. – Кто дал этому псу третье место? Памятник ему отлить! Как собаке Павлова...

Ратмир послал нижнюю челюсть вперёд и несколько вверх, по привычке следя за тем, чтобы как-нибудь случайно не обнажились зубы. Порода обязывала. Особям с пошлым нормальным прикусом этого не растолковать. Демонстрируя другой характерный признак породы, а именно – выдержку, подозвал официанта и спросил ещё один «капучино».

– Жалко мне тебя, Ратмир-джан, – задумчиво проговорил Тимур. – Такой пёс, медаль у тебя, а живёшь на одну зарплату... Старый станешь – на пенсию будешь жить, да?

Уяснив, что с политическими темами здесь покончено, Боб утратил интерес к беседе и, презрительно фыркнув, снова зарылся в газету. Ратмир-джан с удивлением покосился на Тамерлана.

– Между прочим, – тихо и многозначительно сообщил он, – ко мне уже с этим подкатывались, и не раз. Из конкурирующих фирм. Выспрашивали кое-что, деньги предлагали...

Тимур встрепенулся:

– Предлагали, да? И что ответил?

– Правду ответил. Не знаю. Не прислушиваюсь. Не моё это собачье дело.

Тимур-Тамерлан одобрительно наклонил широкий лоб, как бы разделённый на две равные доли неглубокой вертикальной бороздкой.

– Правильно ответил, – с удовлетворением проговорил он. – Фирму сдавать нельзя...

– Это я и без тебя знаю! – блеснул клыком Ратмир.

– Только не сердись, пожалуйста... – попросил Тимур. –

У тебя нюх есть?

– Какой нюх?

– Собачий.

– Собачьего нет.

– А слух?

– Со слухом чуть получше...

Кавказец пренебрежительно шевельнул косматой бровью.

– Значит, и слуха нет, – подытожил он. – А что есть?

Официант беззвучно поставил на стол вторую чашечку кофе. Ратмир поблагодарил сдержанным кивком. Разговор помаленьку начинал раздражать. Столковались все, что ли, сегодня? Поучают и поучают. Нашли, понимаешь, щенка... У него вон третье место, между прочим, на «Кинокефале»!

– Ум должен быть! – так и не дождавшись ответа, огласил Тамерлан. – Настоящая собака (натурал, да?) всё о хозяйине знала. И ты тоже знай, Ратмир-джан... А иначе хороший будешь пёс, но глупый. Зачем хозяину глупый пёс? Зачем ты сам себе такой? Лежишь под столом – слушай. Услышал: вах! Сусловский доллар будут обваливать! Все на обед, а ты – в менялку. И фирме вреда нет, и тебе польза... Адмирала уважаешь?

– Ещё бы!

– А у него три ресторана. Думаешь, сами построились?

Ратмир хмыкнул – и призадумался. Припомнилось вдруг, что каждый раз, когда ему доводилось зачем-либо менять

местную валюту на иностранную, за ним мгновенно выстраивалась очередь – и в тот же день сусловский доллар несколько падал в цене. Любопытно. Стало быть, народ внимательнейшим образом следит за финансовыми операциями служебных собак и делает вполне правильные выводы.

Надо же!

* * *

Вместе с прозрачными сумерками на Суслов снизошло некое подобие вечерней прохлады. Прямой смысл пройтись до родной конуры пешком. В городском парке уже сияли всю лампионы, благоухало репеллентами, а центральная аллея до такой степени была запружена обнажённым людом, что у какого-нибудь приезжего запросто могло сложиться неверное впечатление, будто в Суслове обитают одни нудисты.

Зимой бы у приезжего такого впечатления не сложилось.

Двигался люд преимущественно в направлении набережной, где к вечеру становилось очень красиво: в погромыхи-вающем сумеречном небе за Сусла-рекой возникало нечто вроде отдалённого фейерверка. Оборзевшая, сорвавшаяся с цепи Америка давала прикурить Лычку (по другим сведениям, он – ей).

Попадались навстречу и граждане типа ретро, то есть более или менее одетые. Некто с претензией на крутизну вёл на

поводке мохноногую девицу компактного сложения. Что ж, красиво жить не запретишь! Только вот подлинность крутизны вызвала некоторые сомнения: шорты – явно левые, да и класс девицы, изображавшей, судя по причёске, коккер-спаниэля, был не слишком высок. Надо полагать, из дилетантов – нанимается по случаю, а оплата – почасовая.

Примечательно, что вокруг хозяина и его четвероногой питомицы наблюдалось пустое пространство, говорящее о некой неприязни суловских нудистов к служебным псам.

Если в любой другой точке земного шара нудизм – явление дикорастущее, то в Сулове его некоторое время насаждали сверху, наивно полагая хотя бы таким образом привлечь к себе внимание мировой общественности. Шли в ход чёрные технологии. Издавались статьи, доказывавшие, что нудизм экономически выгоден. Придумывались всяческие льготы для любителей обнажёнки.

А зарубежная пресса клюнула на собак.

Предательски лишённый льгот и поддержки властей, нудизм тем не менее выжил, поскольку был и впрямь выгоден экономически. Но затаённая обида осталась.

Ратмир приостановился посмотреть, как девица-коккер выполнит команду «апорт», ибо владельцу вздумалось кинуть трость в фонтан. Зрелище, однако, вышло столь жалкое, что бронзовый призёр «Кинокефала» крякнул и поспешил убраться подальше.

– В-вау! – совсем уже непрофессионально взвыл за спи-

ной девичий голос.

Ратмир ускорил шаги.

– Ратмир!

Оторопело обернулся. Вот те на! Оказывается, взвыли-то не по-собачьи – взвыли по-человечьи. Со стороны павильона с надписью «Хот-дог» к нему чуть ли не бегом направлялась юная, абсолютно голая незнакомка.

– Ратмир? Из «Киника»?

– Да... – несколько оторопело признался он.

– Автограф! – выпалила она, вручая ему маркёр.

– М-м... – Ратмир был не на шутку польщён. – А на чём?

Она сказала, на чём, и, изогнувшись, подставила названное место. Ратмир примерился – как вдруг заметил, что на правой ягодице незнакомочки красуется росчерк самого Лорда Байрона. Кровь бросилась в лицо. Кое-как уняв внешнюю дрожь в пальцах, Ратмир крупно и старательно вывел рядом с подписью мэтра свою – на свободной ягодице...

– Класс! – восхитилась поклонница – и, отобрав маркёр, кинулась хвастаться трофеем к павильону, где её с несчастным видом ждали две такие же подружки, не дерзнувшие по девичьей застенчивости подойти с аналогичной просьбой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.